

что правомерна в данном случае только абстракция потенциальной осуществимости. Значит, дизъюнкция какого-либо суждения и его отрицания не может считаться истинной, если не доказано или не опровергнуто само это суждение.

Сущностным для интуиционистской доктрины требованием становится принцип конструктивности, поэтому идеи Брауэра можно отчасти считать предтечей конструктивизма⁴⁸⁷ или одним из широко известных взглядов на конструктивную математику⁴⁸⁸. Конструктивизм, принимая интуиционистскую установку не использовать абстракцию актуальной бесконечности при построении математической теории, представляет собой особую модификацию математики, обусловившую построение конструктивной математической логики. «В результате того, что конструктивная математика имеет дело лишь с конструктивными процессами и конструктивными объектами, в логике конструктивной математики в отличие от логики классической математики наблюдается стремление операции отрицания придать интерпретацию, отражающую конструктивное действие (построение)»⁴⁸⁹. В конструктивной логике отличием от классической логики способом трактуется дизъюнкция — она понимается как потенциальная осуществимость конструктивного процесса, дающего в результате один из верных дизъюнктов.

Таким образом, неклассический этап в истории логики — результат аналитического осмысления и преобразования логики изнутри, в контексте внутрилогических исследований. Осознание методологической ограниченности классической логики и развитие формального аппарата — развитие символической логики, построение адекватных семантик логических языков — приводит к революции в логической науке, сравнимой с построением неевклидовых геометрий.

О ВЕРЕ И РЕЛИГИИ: ПОПЫТКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

И. С. Петрин

Проблемы религии, безусловно, связываются с функционированием механизма веры, которая, в свою очередь, определяется, направляется и в некотором смысле задается искренностью человека.

⁴⁸⁷ Трулстра А. С. Аспекты конструктивной математики // Справочная книга по математической логике. М.: Наука, 1983. Т. 4. С. 161.

⁴⁸⁸ Трулстра А. С. Введение // Там же. С. 8.

⁴⁸⁹ Гетманова А. Д. Отрицания в конструктивной логике А. А. Маркова // Методологический анализ математических теорий. Сборник научных трудов / отв. ред. М. И. Панов. М.: Центр совет. филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1987. С. 132.

Искренность человеческая неоднородна. В том смысле, что рождена она различными помыслами. Помыслы как внутреннее неопределимое движение рождают как искренность (ведь она тоже рождается, а значит и изначально отсутствует), так и поступки – и рождение это происходит одновременно. Не значит, что рождаются близнецы. Не значит, что рождаются и родственники. Между ними даже порой теряется связь, ведь на свет появляется и сила выше – «лжеискренность»; единственный признак ее, «лжеискренности», улавливаемый нами при определенных рефлексивных усилиях, – мимикрия, способность уподобляться искренности как таковой. Соответственно, признак этот есть – отсутствие знания собственной природы искренности, а знание лишь ее совокупности как некоторых кажущихся представлений, но не предметности.

Искренность или же совокупность искренности проявляется в рождении поступка как естественный жест – но и одновременно этот жест случайный, ведь и поступки наши случайны (отсутствие ответов на вопросы, рожденные индивидуалистическими стремлениями человеческого сознания, о смысле бытия делает поступки человека случайными, то есть такими, которые не требуют порядка...), а совокупность искренности не дает нам представления о предмете, о конкретном раздражении души на данный поступок. Итак, искренность сродни случайности. Но ведь случайность в корне своем предполагает сомнение, более того – неверие и настороженность – этими характеристиками мы и отделим – «вторичную» искренность, будто следящую за «первичной», чистой и узконаправленной. (Таким образом, эти виды искренности, разделенные и расчлененные степенью рефлексии, строятся вокруг души и сознания человека, исходят от него, следовательно, слабее него). «Первичная» наша искренность, или «искренность без сомнения» сопряжена с понятием правдивости, честности. Она глубоко вписывается в эти понятия, вгрызается в них и остается там навсегда – будучи не в силах вырваться из-за своей ненасытности и жадности. Жадность во многом схожа с бессмысленностью (она весьма умело ее пародирует): так и «первичная» искренность только лишь вид, только лишь погоня за внешним удовлетворением, внешним удовольствием – это от своей нужности и востребованности. Искренность же «вторичная» – есть желание быть (быть-казаться) правдивым, честным. Желание – как собственное-внутреннее души. Оно, кажется, и должно обретать некоторую ценность. Нет?

Что же есть для души эта «вторичная» искренность? Сравнение с индикаторной бумагой само просится и кажется правдивым. Не есть ли она – своеобразный ответ внутренней конфликтности человека, ответом на его «я хочу этого» или же «я желаю этого»? Не есть ли она – обнаружение себя самого не в смысле

«я настоящий», а в смысле «я – желающий быть настоящим»? Возможно, но «вторичная» искренность все же выглядит, и выглядит слабо.

Ведь есть куда важнее (потому, что они более нервируют и злят) вопросы собственно для души: «правда ли я желаю этого?» или же «правда ли я хочу этого?». На эти вопросы и отвечает «лжеискренность» – ответственная за ложь. Или же нам лишь кажется, что важны ответы, а ведь вопросы, будто созданные этой силой, важнее: именно они определяют сущность «лжеискренности». «Правда ли я желаю быть настоящим собой?» – вот цена искренности, вот суть «лжеискренности» (или как бы вы ее не назвали), – что стремится поступки наши обличить в лицемерии, в доставлении удовольствия себе; вот что единственное оборачивает наш эгоизм лицом к нашему лицу, вплотную, так, что ты чувствуешь это боязливое дыхание и желание спрятаться – твое – не твое желание спрятаться, убежать (суть погони за... – погоня от...).

Эта сила балует нас лишь «вроде бы», «приблизительно» и «почти» в наших попытках найти правду в себе. Она предлагает нам швырять кости в попытке угадать загаданное ею число – но она загадывает слишком много, – больше, чем мы способны себе вообразить. Она не оставляет нам выбора – лишь вечный поиск – поиск с завязанными глазами и отсутствием представления – в этом она соизмерима со смертью; в этом то невесомое, невидимое, но невиданное; то слабое, несуществующее по глупости и боязни нашей, но громадное; то, что больше нас самих, но живущее в нас и владеющее нами – ее своеволие.

Таким образом, существует лишь ее (искренности) своеволие, наполняющее нас сомнениями, определяющее все как ложь, ложь всеобщую, обязательную. И вообще, само право человека быть искренним сомнительно – «следы» данного, говоря языком Деррида, спутаны и затерты, и, если найдется способ «расчистить дорогу» и расшифровать их, искренность может явиться в ином обличии. Ведь со стороны увиденная, она, скорее, явится подобием порока в наших глазах, указывающим на несовершенство и слабость...

Но, очевидно, что данная абсолютная ложь, явленная своеволием искренности есть интуитивное «нащупывание» некоторой абсолютной правды. По-моему, это – Бог вплотную: мы не видим Его, но видим перед собой часть Его, укрупненную до образа уже иного, будто уже и несоответствующего Богу – так чужой волос на одежде человека, укрупненный, есть сам человек, а при видении всего целого – лишняя деталь, не имеющая ничего общего с ним. Становится невозможной сама концентрация внимания на масштабе явления Бога – ведь кажется, что вот Он – везде,

и ты – в Нем, но это именно, как мы уже заметили, интуитивно кажется.

Соответственно, лечение, избавление веры от этой интуитивности и туманности обеспечивается не приближением к Богу на максимально доступное для человеческого сознания расстояние, но наоборот – отходом от Бога на такое расстояние, чтобы можно было бы увидеть Его в полный рост. Ведь как прыгун берет сначала разбег, а не встает на нужную ему отметку длины прыжка; как бегун не стоит на линии финиша, не вглядывается за нее, а отходит от этой линии, отмеряя дистанцию разбега. В таком случае мы, жаждущие истины, воины, по Ф. Ницше, атлеты, должны брать разбег. Однако относительно бесконечного и абсолютного приближение и отдаление суть одинаковые процессы. Как пишет замечательный поэт И. Жданов: «... там копающий яму надеется выкопать гору». Процессы углубления и отгораживания относительно взаимоотношений человек-Бог – суть одинаковые процессы. Следовательно, вера наша неизлечима от своей врожденной интуитивности и присущего желания видеть себя всегда верой как таковой.

Выходит, требуется открытие иной плоскости существования сознания, которая не служила бы мостом, дорогой к Богу, которая бы не желала непосредственно дотронуться до Него, но являлась бы (опять же двойственно, как и относительно выше описанных процессов) противопоставленным Богу и зеркально отражала бы Его.

В реалиях отсутствия искренности требуется создание неискренней веры, которая зиждилась бы не на «ощупывании» Бога, а на постоянном поиске в себе действительного отражения Бога, на постоянном высматривании в себе механизма соприкосновения как обозначении этого касания, соприкосновения с «землей» не для выкапывания ям и возведения гор, но для чувства касания некоторого отдельного зеркального участка в собственном существовании, в собственной душе.

Эти касания и заменяет нам искренность, искренность мгновенную, непонятую, не явившуюся, ведь вглядываясь в отражение мы загородим его собой же, но не смотря в него, мы будем знать что оно есть, что Бог отражен и чист лишь при отсутствии взгляда на Него, что отражение Его – существует, что вера – существует.

Таким образом, движение к Богу, о котором многое говорится, как и движение от Бога не имеют никакого существенного значения в осознании веры; в рамках неискренней веры процесс обожения человека и человечества приобретает статичный (бездейственный, а, как следствие, и бессмысленный) характер. Но, как учит нас философия, указывая повсеместно на двойственность и самость двойственности множества явлений (примером служит «хотя бы»

Иисус Христос – воплотивший в себе и божественное, и человеческое начало), мы накладываем трафаретом эту самую двойственность на процесс обожения и определяем его как статичный, так и динамичный (созидающий) процесс. Самостью этого процесса, соответственно, будет нечто третье – иное, что, быть может, соответствует элементу триединства «Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух» – соответствовать последнему, все пронизывающему элементу. Выход в это третье, иное, его обретение или лишь приобщение к нему – это акт напряженно-импульсивного (динамика) отражения (статика).

Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья.

Так писал Б. Пастернак («На Страстной»). Усилие отражения – вот он, начальный этап веры, обожествления человека. Усилие в том, что абсолютно дано с самого начала (так именно кажется – вновь упоминание об интуитивном характере веры, соответствующего осмысления себя и действительности.) Вспоминается Б. Ахмадулина:

стараюсь вымолвить: тебя, как всех,
учили музыке. (О, крах ученья!
как если бы, под Богов плач и смех,
свече внушали правила свеченья.)

...Да, и нам, зеркалам, необходимо внушить правила отражения. Необходимо ворваться во все элементарности, касающиеся человека и Бога, указать-научить под двойственность Боговых чувств (смех и плач) делать то, что было дано «само по себе сразу», ведь «следы» утеряны, запутаны, а преломление света в зеркалах и искажение изображения делают путаницу более или менее организованной и похожей на правду. Таким образом, внушение безусловно данного, согласованное с «Боговой двойственностью», то есть и ее самостью, третьим, Духом непостижимым (ведь люди «убивали Бога», убивали во имя Бога и воспевали Его во всю силу человеческого голоса, но не пытались коснуться Духа, дышать вместе с Богом). Поэтому первым этапом обожествления человека будет являться «внушение свечи правил свечения». Однако проблема, очевидно, в том, что у человека никогда не было ярко выраженного единственного свойства, которое оправдало бы его существование. Так и получается, что человеку нужно указать и внушить правила или искусство человечения, чем уже много столетий занимается творческое человечество. И, как это ни парадоксально, обожение человека начнется с уяснения им конкретных правил воздействия на жутко абстрактное бытие. Быть может, и с указания на то, что человек не может обладать истиной верой в том смысле, в котором мы вынуждены сейчас ее понимать.